СОВЕТСКАЯ ГРУЗИЯ

1929 г.

1. ТКВАРЧЕЛЬСКИЙ УГОЛЬ

Памяти моей матери.

1. Два слова к читателю

Со старым методом налетчика-журналиста поехала я год назад в дикое абхазское гнездо Ткварчели (родину хорошего угля), поехала— и «не вернулась». Целый год, полный ошибок, упрямства, топтанья на месте, недоумений, отчаянья, захватывающего чтения ведомственных, специальных, протокольных, обследовательских, канцелярских и просто подшитых к делу документов,— целый год, день за днем, отдалял от меня, а не приближал возможность сделать вывод и сесть за очерк.

В газетной работе есть для писателя одна опасность. Санитар скажет вам, что можно пить сырую воду и можно пить **кипяченую** воду, но нельзя пить подогретую сырую воду, потому что потепление оживит в сырой воде вредные бактерии, не умертвив их, то-есть сделает сырую воду более рискованной для здоровья. Начало узнаванья, не доведенное до глубины, до той «точки кипения», когда можно сделать умственный вывод,— вот самая опасная вещь для газетчика. Вышло так, что интерес и сложность ткварчельской темы подогрели мои представления, не доведя их до полной ясности. И не находилось во мне той дозы «нахальства», чтобы выйти к читателю с недокипевшей системой знания. Недокипела она и сейчас,—но в процессе работы неожиданно переместились мои задачи.

Покуда я пробивалась к выводу, к решению по совести, за кого «голоснуть» и как правильно голоснуть в сложном деле ткварчельского угля (потому что ведь очерк журналиста— это своего рода открытое голосование за или против),—Ткварчели обошлись без меня, побывали во всех инстанциях и въехали в пятилетку. Тут-то и обнаружилось, что в сущности дело вовсе не в выводе, а в тех попутных сомнениях, открытиях и методических навыках, какие в течение работы накоплялись и которым я давала место лишь на полях. Поделиться ими только как опытом— **методическим** опытом подхода к одной из деталей пятилетки— и собираюсь я в предлагаемых ниже очерках.

2. Роман угля и железа

1

Читатель слышал не раз о землетрясениях и извержениях, разрушавших целые города. Пусть припомнит читатель, не испытывал ли он крайнего изумления, почти досады, когда узнавал, что после катастрофы люди возвращались и снова селились на старом месте. Что заставляет людей, получив урок, опять рисковать— глупость, упрямство, храбрость? Ни то, ни другое, ни третье, а целый ряд причин, по которым города и промышленные центры, как пушкинский князь в «Русалке», «не вольны» выбирать себе место «по сердцу», а должны возникать со строгой закономерностью на узловых точках пересечения этих «определенных причин». Их много: дорожный, водный, климатический, стратегический, сырьевой и всякие другие факторы. Наука о них еще очень молода, ей без года неделя, она отпочковалась от истории еще совсем недавно— в Германии два-три ученых труда, у нас несколько специальных исследований,—

---

[1] Со времени написания этого очерка прошло 15 лет. За эти годы Советское Закавказье из страны преимущественно сельскохозяйственной неузнаваемо выросло, превратившись в страну с собственной, развитой индустрией. Очерк напоминает, какие стадии хозяственних проблем были пройдены и пережиты в борьбе за первую пятилетку

и зовут эту науку учением о районировании промышленных центров.

Когда мы собираемся разрабатывать какое-нибудь ископаемое, наука о районировании приходит на помощь и говорит: «сейчас для этого еще нет предпосылок» или: «успех гарантируется наличием таких-то и таких предпосылок». Особенно необходимо взвешивать все данные этой науки, когда дело идет о комбинированной разработке, каковы предприятия металлургические.

Чтобы получить чугун, нужны два вида сырья, главным образом, уголь— и притом высокий сорт угля, способный к коксованию,— и железная руда. Кокс с железной рудой в определенных пропорциях (зависящих от свойства руды) выплавляется в чугун. Надо сказать при этом, что слово чугун звучит для нашего Союза никак не менее остро, нежели хлеб. В чугуне еще большая заминка, нежели в хлебе. Желудок мы стягиваем кушаком, но индустриальный аппетит страны стянуть кушаком нельзя, этот аппетит все время, наоборот, поощряется, тысячи производственных начинаний криком кричат о чугуне, новые гиганты-домны разевают клювы, требуя руду и уголь, уголь и руду, а их беспрерывно теребят за производственную программу сотни заводов, требуя чугуна, чугуна, чугуна. Растет железнодорожное строительство, машиностроение, тракторостроение, автостроение, трудно представить себе степень пожираемости сырья при таком росте промышленности!

А чтоб читатель сразу мог услышать, всеми нервами услышать голодный крик о чугуне, пусть он вдумается в маленькую справочку: выплавка чугуна в истекшем году дала всего 81,1 процента довоенной выплавки, между тем как машиностроение дошло до 148,8 процента довоенного. Это значит, что чугуна мы выплавили почти на 20 процентов меньше, а машин из чугуна построили почти на 50 процентов больше, чем до войны.

Чугунный голод у нас подобен свече, горящей с обеих концов,—на одном конце меньше выплавки, на другом больше потребности.

Но в этой справке не приведено еще одно обстоятельство; машиностроение усилилось, потому что возросло количество специальных заводов. А каждый завод— лишний голодный рот. Много ртов, разбросанных на большом пространстве, труднее накормить, нежели один, хотя бы и равный им всем по аппетиту.

Мы видели голодающих поволжских ребят, но понять эмоционально, что такое промышленный голод,— труднее. Я это пережила на случайном примере. Девочка моя дня три возилась с чем-то в углу. Я близорука и удосужилась разглядеть это «что-то» лишь на четвертый день; нагнулась, увидела и ахнула. Последовали восклицания:

— Ах ты противная девочка! Где достала?

В школе рассказывали, а они, «группа из трех лиц», узнали, где достать, раздобыли коробочку, вывели, и «что же тут, мама, дурного?»

Дурное было. Дети услышали в школе о том, как разводят шелковичных червей. В Армении— это обычный приработок беднейших крестьян. Достали коробочку грены, вывели червячков, разделили их на три порции, и каждая занялась своей. Но дети не знали пропорции между числом червяков и объемом пожираемой ими пищи, не знали и темпа пожираемости. Я увидела в углу штук пятьсот белых обморочно-ослабевших голодающих червей, нанизанных на скудные веточки тутового дерева. Зрелище было ужасно до тошноты. Не один только голод живых существ, но впечатление от червяков получалось сугубо драматическое, тут налицо был определенно промышленный голод, потому что функция питания для червей была не только «законом природы», но и производственной задачей, и маленькие организованные существа, наладившись на полезную работу, внезапно увидели себя без сырья, стали сморщиваться, останавливать приспособленные для работы механизмы, терять производственный смысл. Пятьсот коконов багдадского шелка гибло передо мной, когда они, казалось бы, уже были налицо. Невинными руками любознательного несмысленыша создались знаменитые хозяйственные «ножницы».

Так вот, чтобы наши домны и мартены не стали похожи на обморочных червей, нужно возможно скорее получить потребное для них сырье. У нас оно есть. Но налаженная добыча одних районов (Донбасс) не удовлетворяет спроса, и чтобы ее увеличить, требуются новые огромные расходы, да и время на разведку, закладку шахт, предварительное бурение, новое капитальное оборудование. А другие залежи угля еще не разрабатываются. Среди этих последних исключительное место занимает Ткварчельское угольное месторождение.

Название «Ткварчели» значит по-итальянски. Недаром итальянцы упорно собирались взять тут концессию. На самом деле итальянское имя принадлежит абхазской лесной даче, совершенно дикой, до последнего времени лишенной проезжих дорог, находящейся высоко в горах над приморским городом Очемчири. Весь этот прибрежный отрезок, от Гагр до Батума, пересекается перпендикулярчиками быстрых горных рек, названья которых звучат как тщетные попытки остановить бегущего: Бзыбь, Псоу, Хипста, Гумиста, — а большие полноводные реки отзываются урчащей, медленной водяной массой: Ингур, Кодор, Рион. Если ехать по Черноморскому шоссе и видеть страну лишь по морскому ее низовью, то при первом же кружеве стального пролета моста, при первой же голубой речке, едва помазанной по широкому ложу из галек, вы получите напоминание о другой части Абхазии, тыловой, высокогорной. Несоответственно крупные мосты над тоненькой струйкой реки, тонкая струйка реки на несоответственно широком ложе, множество камней, глыб, песку, наносов, при самом мирном небе и в самый тихий час дня расскажут вам, что горные речки могут стать грозными, набухнуть от снега, снести стальное перекрытие, что эти реки несут с гор колоссальное количество всяких тел, что движенье их стремительно, что они питаются снегом и имеют очень большой угол падения, беря свое начало с высоких вершин. Вот если один такой перпендикулярчик, реку Гализгу, не пересечь, а попытаться ис-

следовать вверх против течения, то в три-четыре часа быстрой верховой езды можно доехать до селения Квезани. Отсюда уже начинается Ткварчельская лесная дача, где имеется уголь.

Ткварчельское месторождение принадлежит к разряду маленьких. Оно бесконечно беднее Донецкого бассейна по количеству угля. Но именно такие небольшие месторождения сейчас играют большую роль, создавая «вспомогательное питание» для промышленности. Если поставить в Ткварчели добычу на максимум, какой она может дать, то угля ее хватит на пятьдесят лет, при средней годовой добыче восемьдесят миллионов пудов. Но даже при условии разработки только одной (самой удобной) части месторождения, так называемой 2-й площади (всех угленосных площадей шесть), мы получим в течение тридцати лет по пятьдесят миллионов пудов угля в год. При переводе на тонны это дает миллион четыреста тысяч тонн на полную добычу и около восьмисот тысяч тонн на вторую площадь. Насколько эта сумма невелика, можно видеть хотя бы из будущего потребления угля Керченским металлургическим заводом— он один просит миллион четыреста тысяч тонн угля в год, то есть больше, чем может дать вторая площадь Ткварчели.

Но «мал золотник, да...» дело в том, что ткварчельский уголь коксуется, то есть обладает качеством металлургического угля. Последние два года его испробовали на коксованье лабораторным и промышленным путем (в заводских печах Макеевки), и такой авторитет, как профессор Рубин дал о нем очень положительный отзыв. А коксованье для угля то же, что высокая породистость для коня: оно сразу сокращает объем его применения и, как породистый конь освобождается от обязанностей тягловых, чтоб стать производителем, так и коксующийся уголь освобождается от обязанностей топливных, чтоб стать производителем. Он идет целиком на производство чугуна. Вот почему разработка Ткварчели становится еще более неотложной.

До сих пор все гладко: нет чугуна; для чугуна нужен кокс, ткварчельский уголь коксуется,— давайте ткварчельский уголь. Но дальше встает вопрос: с кем соединить этот уголь?

Железная руда не всегда находится поблизости от угля. Месторождений руды бывает несколько. Возить ли ее к углю, возить ли к ней уголь? И какую руду надо выбрать, если наличных несколько? Все эти вопросы решаются наукой о районировании с предельной ясностью. Она разбирает транспортабельные свойства угля и железа (кто лучше переносит дорогу), она высчитывает пропорциональный объем требующегося вывоза (сколько надо вывозить одного на тонну другого), она подытоживает стоимость перевозки (что возить дороже и невыгоднее), она устанавливает, наконец, предел накладного расхода на транспорт (выше которого чугун, готовый продукт, не может перенести без того, чтобы не потерять рентабельность). В этих сложных вычислениях, радующих человеческий ум своей полнотой и связанностью (всякая система радует, как шахматная партия!), в этих вычислениях играют роль и свойства руды и угля вообще, и свойства данной руды и данного угля; и свойства транспорта вообще, и потребности данного района в частности. Например, в о о б щ е, уголь возить дороже, чем руду, потому что его объемный вес меньше. Для выплавки требуется его пропорционально больше, чем железной руды; в дороге он ухудшается— теряет часть теплоспособности, выветривается, растрясается; долго на складе и на воздухе лежать без химических изменений не может. Но бывают случаи, когда, несмотря на все эти соображения, все-таки выгодней уголь возить к руде, а не наоборот,—хотя история учит нас, что огромная масса металлургических предприятий основывается на месторождении угля, а не железа. Каковы же исключения и чем они вызваны? Вот перед нами знаменитая лотарингская металлургия. Она основана на железной руде, к которой подвозится уголь. Вот перед нами наш собственный

Керченский завод, он основан на железе, к которому подвозится уголь. Почему они нарушают общее правило районирования? Потому что в обоих случаях мы имеем дело с н и з к о с о р т н о й железной рудой. Здесь экономика посылает нам улыбку, она обнаруживает остроумнейший изгиб. Лотарингская низкосортная руда «минетта» притягивает уголь, а лучшие высокосортные залежи его отталкивают. Причина в том, что низкосортная руда содержит в тонне меньшее количество железа, следовательно, ее нужно брать на тонну угля значительно болше тонны; ввозить такое количество руды, вдобавок дешевой, это значит непомерно дорого платить за провоз, и получается невыгода, определяемая пословицей «игра не стоит свеч». Так иногда и в жизни успех многого, что успеха недостойно, вытекает, в сущности, из отрицательных сторон явления и из общественного свойства решать судьбу вещей «по линии наименьшего сопротивления». Вдумайтесь в эту аналогию, она часто может утешить.

Если теперь подойти к ткварчельскому углю, то экономика превратится в маленькую драму с четырьмя действующими лицами: молодой ткварчельский уголь, уроженец Закавказья; старый донецкий уголь, изрядно поживший; дашкесанская железная руда— девственная залежь в Азербайджане, высокосортна (из лучших в мире по содержанию железа), не тронута буром, дика, молода, происхождения закавказского; бойкая керченская руда, возраст бальзаковский, сорт чрезвычайно низкий и дешевый, происхождения отдаленного и не вполне чистого— привлекательна и для донецкого, и для ткварчельского угля. Как же станцуется эта кадриль? Ученье о районировании отвечает: папу и маму выберет ребенок. Ткварчельский уголь соединится с той рудой, что сможет дать чугун наиболее дешево и наиболее скоро.

Вот предварительная наметка к ткварчельской проблеме, которую надо держать в уме, когда въезжаешь в столицу Абхазии, Сухуми.

3. ведомственные тайны, или колумбизм и робинзонство

1

Хорошо жить в Сухуме, особенно осенью. На перекрестках преют каштаны над душным теплом жаровен, прикрытые влажными тряпками.

Густой табак, словно чайный настой, суховатый, мешается с соленым запахом набережной. Солью и ветром пахнет легкая парусина на балконе. А ночью— тихие глаза пароходов, неподвижно опрокинутые в воду, и плеск флейт из беседки, освещенной изнутри, как раковина.

Звуки музыки тоже пахнут морем,— к морю подходят простая, грубая флейта, духовые инструменты, усердные музыканты, опрокидывающие после игры свои горластые трубы, чтоб вытряхнуть из них слюну. И грустное «ру-ру-ру» флейты улетает в соленом ветре, как усилие морского прибоя.

Тихо жить в Сухуме, даже рекламы здесь тихи, как утопленники: они вырастают прямо под ногами, на асфальте; их меловые буквы обращены лицом вверх и напоминают плывущего на спине купальщика. Их топчут, и немота их бездейственна, потому что в Сухуме вряд ли гуляющий смотрит себе под ноги.

Вкусно жить в Сухуме: белые домики благоухают провинцией, и нет лысых домов, а каждый еще густоволос от винограда, плюща, перьев хамеропсы, глициний, остролистника, над каждым зеленые кроны деревьев; и лежат домики рядом, словно дорогие яблоки, завернутые в отдельные зеленые бумажки.

Но заглянем под крыши этих домиков, так ли уж спокойно в них? В Сухуме, как нигде, множество разворошенных и разбуженных воздухом начавшегося строительства людей.

Бросив кустарничество, мелкие промыслы, домашний быт, эти люди страстно хотят работать. Они страстно хотят, чтоб начали, наконец, осуществлять индустриализацию,

чтоб вобрали, переделали, пересоздали остатки патриархального феодализма в Абхазии, маленькой стране с богатейшими промышленными возможностями. Условный ее рефлекс на работу несколько раз создавали и перешибали: возникло и затормозилось табачное производство (целый ряд табачных фабрик закрыт, и превосходное сухумское сырье вывозится из Абхазии); возникла и затормозилась деревообделочная промышленность (фабрика в Сухуме бездействует, фабрика возле Гагр работает недостаточно); начата постройкой и заброшена необходимая для края Черноморская железная дорога; четыре года начинались и всякий раз переживали критические периоды торможений изыскания в Ткварчели. Понятно, что это нервирует население.

Подсев за ваш столик в кафе, черноусый мингрелец-безработный в красивом башлыке над орлиным профилем, неуверенно спрашивает, скоро ли будут строить порт. Сам-то он не портовый рабочий и даже не строитель и, вообще, не член союза, хоть и состоит на бирже.

И очарование Сухума начинает казаться вам чем-то вроде дремоты на экзамене, когда хочешь послюнявить себе ресницы, только бы не слиплись они и не прозевали вы в сладком обывательском туризме основных уроков нашей республиканской экономики. Получить эти уроки можно тут же, в Сухуме: подальше, на набережной, между кофейнями, маленький домик отдан под самое нервное ведомство, под совнархоз. Здесь каждая комната посвящена особой хозяйственной отрасли, и по списку отделов вы сразу узнаете сумму промышленных возможностей Абхазии. Среди них главное место занимает ткварчельский уголь.

2

Наши ведомства очень «патриотичны», в самом узком смысле этого слова. Для хозяйства это и нужно так. В пределах одной федерации несколько хозяйственных ведомств дерутся между собою, и каждое протаскивает интерес своей

---

[1] Не забудем дату: 1929 г.

маленькой республики. Журналисту эта борьба ведомств часто мешает докопаться до сути дела. Чтоб не дать провести себя, журналист должен помнить о двух основных китах этой борьбы.

Что противопоставляет местный ведомственный патриотизм плановой политике центра? Какие главные силы сшибаются лбами в диалектике нашего хозяйства, идущего от центра Союза к его периферии? Над чем больше всего бьются живые люди, все эти завы и замы совнархозов, умнейшие головы, паровозики длинного вагонного состава предприятий, затеянных маленькой республикой? И на каких разъездах чаще всего сталкиваются паровозики, терпя аварию и нанося ущерб противнику?

Два кита, на которых окраина строит свою хозяйственную политику, суть: открытие сырьевых ресурсов,— раз. И упорное стремление обработать это сырье у себя же на месте— два.

Потоки газетных информаций, потоки журнальных статеек, потоки фотографий приучили нас за эти годы к обязательному приятнейшему открытию разных богатств в нашем Союзе. Иной раз рьяные Колумбы и сами не знают, для чего нужна открытая ими Америка. Так однажды случилось с минералом баритом, который начали наперегонки открывать у себя Грузия, Азербайджан и Армения. А журналист радуется, журналист умножает «бодрое настроение», обслуживая всячески этот ведомственный колумбизм. И как неизбежный спутник Колумба, встает из глубины ведомств другой республиканский герой, Робинзон. Если Колумб старается наоткрывать как можно больше Америк, то Робинзон силится всех их обработать и использовать «своею собственной рукой». Робинзон, как известно, хозяин-индивидуалист, хозяин универмаг, вкусный хозяин, умеющий необыкновенно аппетитно делать все, начиная с козьего сыра и кончая орудиями производства. По существу обе стихии—погоня за открытием сырья и стремление использовать собственное сырье на месте,—

это неизбежные здоровые звенья нашей хозяйственной диалектики. Суть только в том,, что здоровье их обусловлено наличием третьей силы, исходящей из центра, силы плановой, которая, сшибаясь с ними, и дает в окончательном результате правильную комбинацию, правильный промышленный синтез. Эта сила знает, сколько чего надо, сколько куда надо,— и ее лобная борьба с Колумбом и Робинзоном есть нечто подобное борьбе деревянной подпорки с виноградной лозой или ножниц садовника с излишком листвы на лимонном дереве; регулируя и направляя рост, она делает его максимально плодоспособным.

Как же проявили себя Колумб и Робинзон в деле ткварчельского угля? Сперва они пытались сосватать ткварчельский уголь с дашкесанской рудой: комбинация, которая, во-первых, оставляет уголь в пределах Закавказья, во-вторых, гарантирует Закавказью собственное металлургическое производство, в третьих, сразу бросает огромные деньги в два капитальных вложения, поднимая одновременно Ткварчели в абхазском углу Закавказья (оборудование, транспорт) и Дашкесан в азербайджанском углу Закавказья (оборудование, транспорт), иначе сказать, оживляя два дичайших места в стране. Но тут дала себя знать экономическая трудность дашкесанской комбинации.[1] При непомерно больших капитальных затратах на единицу чугуна тяжело падает и транспортный расход. Между Дашкесаном и Ткварчели 628 километров железнодорожного пути, несравненно более дорогого, нежели водный. Итак, необходимость все оборудовать с азбуки на местах, лишенных рабсилы и примитивных путей сообщения; необходимость, помимо рудников, наново создавать и металлургический завод— все это делает дашкесанскую комбинацию очень тяжелой на подъем. Когда яви-

[1] В 1929 году наше хозяйство еще не окрепло настолько, чтоб поднять эту комбинацию, да и не было в ней особенной надобности. Насколько могуче выросла советская тяжелая индустрия в последующие 15 лет, видно из того, что в дни отечественной войны, мы в Закавказьи неподалеку от Тбилиси заложили фундамент первого металлургического завода, который втянет и дашкесанскую руду, и ткварчельский уголь, и армянский молибден.

лась соперница, керченская руда, она сразу завоевала всеобщее внимание.

Керчь уже имеет готового потребителя— завод, который очень скоро потребует полной нагрузки. Керчь уже имеет оборудованную разработку руды. Керчь лежит на морском пути—между нею и Ткварчели расстояния по морю всего 500 километров. Керчи необходим дешевый уголь, потому что дорогой донецкий уголь при неудобствах доставки (Мариупольский порт зимой замерзает, и доставка перебивается) слишком удорожит ее будущий продукт. В поисках дешевого угля трест Югосталь ухватился за Ткварчели. Он сорганизовал на свой счет промышленные изыскания. Он вооружился крупными научными силами, разработавшими вопрос теоретически (специальная книга проф. Диманштейна). Он завоевал, наконец, горячие сердца Колумба и Робинзона.

Керченская комбинация хотя и вывозит сырье из Закавказья, но морской фрахт есть палка о двух концах. Ежели суда возят уголь из Ткварчели в Керчь, то нелепо им возвращаться назад порожняком. Использовать обратый путь для отправки керченской руды в Закавказье—эта мысль была воистину «гениальной» мыслью, сразу крепко поднявшей шансы Керчи. Этим разрешался и вопрос собственного металлургического завода в Закавказьи, вопрос болезненно назревший. Кроме того, закавказский Робинзон и абхазский Робинзон—два разных Робинзона. Это отнюдь не одно лицо. Если закавказскому Робинзону было бы выгоднее поднять Дашкесан, то абхазскому Робинзону гораздо выгоднее связаться с Керчью, потому что керченская комбинация дает Абхазии порт. Вот почему для Абхазии Керчь явилась крайне выгодной партией, и весь патриотизм ее ведомств направился в эту, керченскую, сторону.

Еще один раз ослепительной игрой вспыхнули все перечисленные мною силы, когда пришло время решать вопрос о порте. Недавно я прочитала в одной из московских газет сухое сообщение о том, что в наивысшей инстанции «было вынесено единогласное решение об устройстве для вывоза

ткварчельского угля порта в Сухуме». Эти несколько строк подобны горсточке пепла над грудой сгоревшего топлива. Но рассказать, сколько сложной политики, тонкого головного бокса, привходящих соображений, экономической борьбы, а кстати же и стараний наших двух приятелей, Колумба и Робинзона, скрывается за сухими этими строчками газетного петита, — надобно в особом очерке.

4. Три соперника.

1

Когда какой-нибудь житель глухого места едет в «город», ему дают поручения: купи то-то и то-то. Этот обычай перешел в хозяйственную практику наших окраин: Когда какое-нибудь предприятие осуществляется, на него возлагают кучу обязанностей, чтоб провезло это предприятие под своим флагом другие насущные нужды республики.

Поэтому, рассматривая проект нового какого-нибудь начинания, нужно уметь быть таможенником. Разобраться, что данный гражданин везет действительно для себя (оборудованье и затраты, без которых обойтись нельзя) и что данный гражданин провозит для тетушки, дядюшки, соседа, кума, крестника (затраты, без коих обойтись можно). В роли строгих таможенников выступают центральные органы, с которыми воюют бесчисленные проектеры наших маленьких республик.

Международные вагоны знают этих проектеров: они едут с набитыми портфелями, лица их приобрели защитный цвет, подобный сдержанной маске дипкурьера, дипломата, представителя — словом, человека с «поручением». Среди них есть блестящие таланты, ловкачи, чья репутация установилась: «этот вам все протащит!» Из них романисты берут себе героев, и борьбу их с центральными инстанциями за протаскивание проектов часто изображают, как героическую дуэль честного работника с бюрократом. Таков, например, инженер Габрух в романе Сергея Семенова «Наталья Тарпова».

Бедному «плановому центру» вообще не везет в литературе; он часто приглашается на роль «злодея».

Но вернемся к нашему провинциальному жителю, с полным чемоданом возвращающемуся из города домой. Везет он хорошие вещи, многочисленные вещи,—только все ли они необходимы для его собственного употребления?

Провинциальный житель— ткварчельская проблема. Вещи в чемодане — Черноморская железная дорога, порт, гидростанция, подъездная ветка Ткварчели— Очемчири и множество другого. Особенностью ткварчельской проблемы в Абхазии является то, что она «поднимает» вместе с собой множество других строительных предприятий. Она провозит для Абхазии целый ряд существенных и общегосударственно необходимых вещей.«Возьмите наш уголь», говорят Ткварчели. Но он кусается. Голыми руками к нему никак. Достройте Черноморку, дайте порт, тогда угольная жила, как дубинушка в песне, «сама пойдет, сама пойдет». Настолько стройно замкнуты эти хозяйственные звенья, что таможеннику решительно не к чему придраться. Для поднятия Ткварчели все это и впрямь необходимо. Если какие-нибудь сомненья и были в чем-нибудь для высших инстанций, так только в вопросе о в ы б о р е п о р т а: где именно его надо строить?

Порт—колоссально дорогое дело. Порт дорого не только создать, его еще дороже содержать. Если не ошибаюсь, по-настоящему у нас на весь Союз всего три или четыре порта, могущих быть названными так с полным правом, а все остальные — лишь приспособленья под порт.

В Грузии одно «приспособленье» под порт имеется. Это — Поти. Скверное приспособленье, влетевшее дорого, на неудобном месте, без природных данных, требующее расширений и ремонтов, искусственно созданное на открытом месте. Но хозяйственный патриотизм Грузии так крепко держится за Поти, что когда возник вопрос, откуда вывозить в Керчь ткварчельский уголь, выдвинут был совершенно серьезно первый кандидат — потийский порт.

Чтобы читатель мог сообразить всю нелепость этой кан-

дидатуры, он должен взять кусочек дуги (кусок Черноморского побережья), нарисовать его справа от себя, как полумесяц, вверху поставить первую точку Сухум, пониже вторую точку — Очемчири, еще ниже третью точку — Поти. Вот три возможных кандидата в порты для ткварчельского угля. Керчь лежит совсем высоко, на расстоянии 460 километров от Сухума, 500 километров от Очемчир и 550 километров от Поти. Что касается самого угля, то он находится в тридцати с лишним километрах от Очемчир, в горах, по течению реки Гализги. Спускаясь из Ткварчели к морю, попадаешь прямо в городок Очемчири, и в голову приходит самая естественная и простая мысль: почему бы именно в Очемчирах и не устроить порт? Этот городок и выступает вторым кандидатом.

Но если вы захотите прочесть всю ведомственную литературу о портах, вам станет жутковато на душе, совсем так, как при чтении каких-нибудь предвыборных протоколов в Америке или Англии. Там каждого кандидата чуть ли не раздевают. Там неожиданно публикуют частную переписку кандидата с приятной вдовой. Там фотографируют его родинку между лопатками. Там бесчестят и делают громкую репутацию с горячностью, которую легче разоблачить, чем самого кандидата. Но горячность споров о том, где быть порту для ткварчельского угля, — разоблачить труднее, чем достоинства этих трех городов.

Чем она вызвана? Какие тонкие, тончайшие пружины действуют за тремя «ориентировочными сметами», за тремя проектами портов, за выступлениями комиссий, начиная от портовых начальств, кончая даже здравотделом?

Как уже сказано было выше, Грузия настаивала на приспособлении Поти для ткварчельского угля. Правда, для этого надо было возить уголь сушей в Поти (и додумывались до того, чтобы прорыть с этой целью канал!), возить в сторону, противоположную от Керчи, и уже затем погружать его на керченские пароходы.

Когда фантастичность и громоздкость такой затеи стала слишком явной, кандидат Поти ретировался, и здесь начался

второй акт драмы — очень скорый и очень решительный провал кандидата Очемчири. Обывательское мнение насчет этого кандидата, как самого естественного, сразу же было отведено. Во всех ведомственных бумагах по этому поводу твердо написано:

«... в самом же начале специалистами было высказано, что природные условия в Очемчири весьма неблагоприятны для портостроительства и что поэтому постройка здесь порта сопряжена с риском и потребует во всяком случае весьма значительных капитальных затрат и пяти-шести лет времени». Но, чтоб соблюсти объективность, смета очемчирского порта была тщательно разработана, так же тщательно, как и другие сметы. Она дала чудовищную цифру в двадцать с лишним миллионов (считая все необходимые расходы), тогда как приспособление потийского порта должно обойтись только в четыре с лишним миллиона, а сухумского — в восемь с лишним. Цифры эти взяты из расчета на максимальную погрузку угля (то есть полную его добычу — до миллиона шестисот тысяч тонн в год).

Такой капитальный расход сразу охлаждает сторонников Очемчири. Шут с ними, ежели двадцать миллионов. И кандидат Сухум, выступая после Очемчир со скромной суммой в восемь миллионов, с выгодой наименьшего расстояния (по морю) до Керчи, с преимуществами, созданными самой природой, так как он имеет глубоководную, спокойнейшую бухту, единственную, куда на всем этом побережьи во время шторма заходят пароходы — кандидат Сухум неизбежно должен быть выбран большинством голосов.

Читатель, смущенный сметой, подумает, может быть что я не права была к Поти, стоящему дешевле двух других проектов. Но речь идет не только о стоимости капитальных сооружений (Поти уже построен, его надо лишь приспособить, потому он и дешевле), а о наибольшей выгодности транспорта угля в Керчь. Запомнить это нужно крепко, так как с этой точки зрения цифры говорят совсем другое.

Они говорят, что даже при колоссальной затрате на очем-

чирский порт, провоз одной тонны угля из Очемчир в Керчь обойдется дешевле, чем из Поти в Керчь. Вот табличка стоимости транспорта:

1 тонна угля при максимальном его вывозе (то есть при вызове 1 640 000 тонн в год)

От Поти до Керчи будет стоить	4 р. 08 к.
От Очемчир до Керчи будет стоить	3 р. 41 к.
От Сухума до Керчи будет стоить	3 р. 39 к.

По этой табличке сухумский порт наиболее выгоден. Правда, раздавались посторонние голоса, что нельзя климатическую станцию превращать в угольный порт, что это выгонит из Сухума тысячи больных туберкулезом, но Наркомздрав убедительно разъяснил, что, наоборот, устройство порта (в районе реки Гнилушки) раз навсегда уничтожит бич Сухума, малярию, и превратит его из зимнего курорта в курорт четырехсезонный.

Материал цифровой взят мною из последнего выпуска ткварчельской комиссии, от ноября 1928 г. (издание ВСНХ Грузии). Но он только суммирует все то, о чем на разные лады и по разному поводу говорят и прочие ведомственные бумаги.

Очень внимательно нужно вчитаться в них. Раз, и второй, и третий. Тогда бросятся в глаза некоторые обстоятельства.

2

Какие это обстоятельства?

Когда рекомендуют служащего помимо биржи, — местком настораживается. Когда у трех кандидатов не одинаковы условия их выдвижения, нужно тщательно, как веревочку, расщипать коэфициент достоинств кандидата, чтоб отделить из него нитки личных симпатий, нитки протекционизма. У Сухума, равно как у Поти, сильная протекция. Сухум — государственно необходимый порт для Абхазии; Сухум должен быть портом, даже если ткварчельский уголь пойдет стороной; без порта в Сухуме Абхазия обречена быть домашней

хозяйкой и не больше. Ясно, как энергично должны бороться за Сухум правительственные ведомства Абхазии. Между тем у Грузии есть свой порт Поти, кровно близкий ее сердцу порт, потому что он венчает собою сердцевину Грузии, бег к морю лучших ее областей, красавицу Имеретию, которая вступает на индустриальные рельсы. К Поти должны побежать ручейки кутаисской промышленности, к Поти, если он станет возить уголь (как сейчас возит марганец), неизбежно должно прийти и ж е л е з о, и тогда в Самтреди — на узловом пункте—может быть создан и металлургический завод. А если дополнить картину стройным кустом гидростанций, бегущих отсюда вверх, к Рионгэсу и Загэсу, то необходимость промышленного расцвета Грузии станет ясной и необходимость увеличить порт Поти сообразно с этим расцветом— еще яснее. Как, значит, борются за Поти правительственные ведомства Грузии!

Вот мы увидели за двумя кандидатами то, что называется «рукой». Достоинства их неоспоримы. Но и бабушка им ворожит.

Но вот ведь какая странность! Несмотря на полное отсутствие протекции, природные неудобства, дьявольскую дороговизну— избиратель стоит не за Сухум и за Поти, а за... Очемчири. Избиратель не кто иной, как трест Югосталь, заботящийся о том, чтоб дать Керчи м а к с и м а л ь н о д е ш е в ы й у г о л ь. Специальный консультант этого треста, написавший огромную книгу о перспективах закавказской металлургии, решительно высказывается за Очемчири, не пугаясь даже его двадцатимиллионной сметы. Странно, читатель. Журналист обязан сказать здесь самому себе «гм!» Не значит ли это, что уголь, вывозимый из Очемчири, окажется дешевле не только потийского, но и сухумского?

На этом самом месте споткнулась и я, читатель. Есть такие крепкие орешки. Хорошо,— говорила я себе, сидя в гостинице «Ялта» и глядя на пыльную очемчирскую улицу, меж домишками которой просвечивало море,—хорошо-с, хорошо-с, очень хорошо-с, вы были сперва за Очемчири, гражданин Югосталь, и, натурально, сами очемчирцы горой стояли за Очемчири, лбом готовы они были вышибить себе порт, а почему вдруг оборвалась очемчирская музыка, почему все решительно сошлись на Сухуме, и вот тут, на месте, бойкие хозяева Очемчиро, его исполкомцы, его местные инженеры, его шумная и, не в пример сухумской, деловитая «безработная» публика— они тоже как-то так боком соглашаются, что уж пусть строят в Сухуме?

Говорят, в каждом трудном деле есть хвостик. Для меня хвостик мелькнул на очемчирском берегу, где я долго прогуливалась в обществе очемчирских граждан. Они показывали мне место, где предполагался порт, вовсе уже не такое открытое и неудобное, как отзывались о нем ведомственные бумаги. Легкое полукружие делает Очемчири заливом. Бойкий торговый городок кипит приморской жизнью. И вдруг, патриоты Очемчир— уступают, они соглашаются, они готовы забыть свои крики о порте, они машут рукой— «Сухум, так Сухум».

Уступка показалась мне столь подозрительной, что я нырнула опять в те же прочитанные груды материала. Нырнула— и на этот раз извлекла разгадку.

«Хотя произведенные в текущем году отделом портов наблюдения значительно пополнили наши сведения о гидрологическом режиме очемчирского рейда, но и эти сведения недостаточны. В виду этого, по идее отдела портов, ткварчельской комиссией был приглашен в августе текущего года специалист для консультации по вопросу о гидрологическом исследовании очемчирского рейда» (Известия ткварчельской комиссии, выпуск III).

Позвольте, а ведь на первых страницах той же книги была напечатана ссылка на специалистов (каких?), которые сразу же признали Очемчири местом, крайне неудобным под порт? Значит, мнение их оказалось недостаточным. Значит, потребовалась добавочная экспертиза.

Что же сказал специалист по гидрологии?

«На совещании при отделе портов по этому вопросу

(24/VIII— 1928) эксперт... между прочим сообщил, что при задании глубины порта до 6 метров, задача сооружения порта на очемчирском рейде может быть разрешена одним оградительным сооружением (одним молом) с севера» (стр. 58).

Еще не совсем понимаем мы, в чем дело. Нырнем опять и вынырнем на стр. 75.

«...по заключению эксперта, не исключена возможность устройства здесь порта для осадки судов в 6 метров, в каковом случае, по его мнению, можно бы ограничиться устройством одного только мола с северной стороны. В таком случае весьма возможно, что капитальные затраты по устройству порта были бы небольшие, и потому возможно, что себестоимость транспорта вышла бы дешевле других вариантов».

Сдержанно сказано. А по сути дела, что это такое? Устройство одного мола— не есть порт. Очемчири, оказывается, замечателен не тем, что портостроительство в нем обойдется двадцать миллионов, а тем, что может быть в нем совсем не надо строить порта, а возвести только один мол, да и вывозить уголь в Керчь на обычных угольных суднах (не глубоких), что и требуется, во-первых, для Керчи, во-вторых, для угля.

Ларчик открывается с чудовищной простотой. Если в Очемчирах (естественном месте погрузки угля!) совсем не нужно строить порт, так уж лучше пусть его строят в Сухуме— лишь бы у нас был порт.

Вот формула Робинзона.

Целый вопль может раздаться мне в ответ. Скажут, во-первых, что это «еще неизвестно», что эксперт высказался предположительно, что он требовал целый год на производство изысканий; во-вторых, скажут, что предположено было сделать глубоководный порт, необходимый для судов с глубокой осадкой, на этом месте побережья до самого Поти не имеющийся; в-третьих, скажут, что бури на побе-

режьи ужасны, очемчирский рейд открыт, грузить уголь будет трудно, опасно для жизни, сопряжено с перерывами.

На это следует ответить:

1. А каким образом четыре года работает ткварчельская комиссия, и она исследовала и высчитала, где и какие, и сколько будут стоить порты, а не исследовала в первую голову, можно ли вывозить уголь из Очемчир, обойдясь без порта? Неужели эксперта надо было пригласить к концу четырех лет, а не в начале первого года, чтоб он успел дать анализ очемчирского рейда с исчерпывающей полнотой?

2. А для какого лешего нужен глубоководный порт, если мы вывозить за границу ткварчельский уголь не будем, из-за границы получать железо тоже не будем, в гости приглашать крупные суда и иностранный флот на совести не имеем, и вообще, если мы начали вопрос с того, с чего надо, а именно с вывоза угля? Для вывоза угля в Керчь нужны суда с осадкой не более 6 метров. Ясно. Вот на эту именно скромную цель и надобно держать курс.

3. Бури, ужасы, опасности. Не отрицаем. Но у читателя может создаться представление, что Очемчири нечто вроде «гладкого места» писателя Зощенко.

Не гладкое место Очемчири, читатель.

«Очемчири являются бойким и довольно значительным торговым пунктом не только абхазского, но и черноморского побережья. Грузооборот очемчирского порта перед европейской войной достиг почти пятидесяти тысяч тонн. Предметами вывоза на разные рынки служат: кукуруза, фрукты, вино, шелк (коконы), табак, воск, мед, хлопок, орехи, дубовая клепка, ореховые брусья, а кроме того, свиньи, домашняя птица и пр.».

«Абхазия»

(Изд. Наркомпроса Абхазии, 1923 г.)

В 1911 году на пароходах Русского общества из Очемчир вывозилось до шестнадцати тысяч четыреста тонн, а на заграничных пароходах одной только кукурузы вывезено сорок одна тысяча тонн.

Сорок девять тысяч двести тонн и восемьсот двадцать тысяч (или даже миллион четыреста тысяч тонн)— это, конечно, разница. Но для увеличения оборота очемчирского порта и предлагается устройство мола, обеспечивающего спокойную погрузку. И ежели заграничные суда не брезгали заходить в Очемчири, то почему он недоступен для керченских угольных судов?

Не следует забывать и еще одного богатства Очемчир, самшита, который был и может быть предметом вывоза. В Ткварчельской лесной даче под самшитом свыше шестисот гектаров (второе место после Бзыбской лесной дачи). Гладкое место оказывается центром вывоза кукурузы, одним из портов по вывозу самшита, ореховых изделий, вина и пр. Словом, «бойким и довольно значительным пунктом», расположенным возле небольшого залива.

Надо было построить смету на двадцать миллионов этажей, чтоб эта смета обрушилась и... похоронила под собою скромную маленькую возможность для Очемчир стать местом вывоза и ткварчельского угля без лишних расходов и долгой канители.

Немножко арифметики.

Если даже при постройке порта в двадцать миллионов рублей доставка ткварчельского угля из Очемчир должна обходиться дешевле, нежели из Поти, то как же дешево обходился бы этот уголь без лишних миллионов издержек?

Рассердятся на меня в Абхазии! Вот, скажут, змея. Но вывод мой еще не сделан, сухумский порт благополучно утвержден, задача моя не голосовать «за или против», задача моя вскрыть механизмы наших строительных процессов, и вывод я намечу только в последнем очерке. Пусть подождет абхазский читатель до этого вывода.

5. Лес рододендронов

1

Разъездному корреспонденту в ткварчельском лесу до тошноты много материала. Он может описать его, как кунст-

камеру: избушки на курьих ножках (свайные хижинки вдоль реки Гализги, строиться на земле здесь нельзя из-за сырости); шалаши-невидимки в чаще леса, без единого живого существа, но с накрытым для путника столом, где приготовлена мамалыга и четверть вина (абхазский обычай, еще не исчезнувший); «дуб зеленый» с воткнутыми вдоль ствола восковыми огарками (абхазцы жгут на нем свечи неведомому богу); наконец, волшебный источник, в котором исцеляются тысячи ревматиков. Источник теплый, сернистый, вода в нем радиоактивна, древнейшие каменные ниши-купальни показывают, что им с незапамятных времен пользовались, а сейчас здесь плетеные сарайчики, несколько коек на земляном полу, чинные курортные больные, процедуры по расписанию и даже фельдшер.

О красоте и говорить нечего, красоты— как в Демьяновой ухе. Субтропический лес в три этажа: внизу подвал, черная грязь без травы, рыжие папоротники, гниющие на корню, запах тленья, сладковатый, тошнотворный «субтропический» запах, где трупы— это листья, древесная кора, сучки, напластанные, как навоз в неприбираемой конюшне. Солнце сюда не заходит, лошадь ступает по земле, словно печать по горячему сургучу, регистрируя каждую пядь пути. Глядишь и наглядно учишься, как в доисторические времена образовывался каменный уголь.

Второй этаж— подлесок, похожий на подпушину у мохнатого животного— лавровишня, остролист, азалия, понтийский рододендрон, диковинные по форме, грубоватые, глянцевитые деревья, опутанные тысячью паразитов, красиво называемых лианами, глициниями.

Ранней весной они продергивают листву, как нарядную дамскую сорочку, гирляндами цветочных бантиков, а осенью подобны веревкам, напутанным вокруг покупки неопытным продавцом.

Еще выше—третий этаж: коренные жители леса, огромные строевые мачты, бук, каштан, дубы в два с половиной обхвата, грецкий орех, тисс, самшит— можно их описать

поодиночке, потому что у каждого свое лицо и свой промышленный «патент».

Еще недавно каждый шаг в этом лесу приходилось прорубать топором. Сейчас от селения Квезани и до серного источника имеется грунтовая дорога, очень скверная и неровная; от источника идут вьючные тропы к месту промышленной разведки на уголь и к месту геологической разведки. Первую организовал трест Югосталь, вторую— ленинградский геолком. Расстояния между ними километров пять, но осилить их на вечно голодающей абхазской лошади не так-то легко. Бежит впереди вас абхазец, посланный навстречу вам из лагеря; волосы его вьются по ветру, как у хорошего дореволюционного попа. Это — знак траура: потеряв родственника, абхазец дает обет не стричься определенное число лет, и длина его волос говорит о сроке его скорби. Лошадь плетется за ним, то проваливаясь в грязь, то вылезая передними ногами на деревянный помост — дороги и тропки здесь в трудных местах мощены деревом, совсем как торцы на ленинградских мостовых. Стуча копытом по деревянному настилу, несет вас лошадь над отвесными оврагами, в полумраке влажном и безветренном, похожем на блеск слез сквозь опущенные зеленые русалочьи волосы, к человечьей стоянке.

В ткварчельской лесной даче, раскинутой по реке Гализге с притоками, в местности, изломанной и изрезанной горами, ущельями, оврагами, множеством тектонических нарушений и неправильностей, густо заросшей девственным лесом, не проезжей, иногда непроходимой, удаленной на десятки километров от ближайшего человеческого жилья, с климатом, убийственным для жизни — влажным, сырым, дождливым, стоячим, как болото, с отчаянными трудностями доставки продовольствия и оборудования, — в этой местности суждено было прожить и проработать бок о бок двум совершенно различным группам людей. Каждая из этих групп имела свое задание. Целью одной, геологической, было определить запас и залегания ткварчельского угля; целью второй, промышленной, было практически проверить буровыми сква-

жинами основную наметку геологов и достать пробную партию угля, чтоб испытать качество угля в лабораториях и заводских печах Югостали. Хоть и разные задачи, но тесно друг с другом увязанные; хоть и разные группы людей, но поставленные в одинаковые условия существования.

И как же обе эти группы, лагерь Жернова (промышленный) и лагерь Мокринского (геологический), использовали и осуществили свое многолетнее соседство?

Тогда еще не было популярного слова «соревнование». Но логика вещей не родится с лозунгом, она работала до него и будет работать после. И когда в определенной среде возникают два явления, — как два пешехода на одной дороге,—между ними тотчас устанавливается соревнующий момент, хотя бы не сознанный ими самими. Посторонний человек, начинающий их сравнивать, неизбежно устанавливает, что, различая градации достигнутого, противопоставляешь одно явление другому. Но в нашей советской действительности есть и еще одно, совершенно своеобразное свойство, которое с такой резкостью и осмысленностью не наблюдается нигде больше. Дело в том, что соревнующие организмы вырабатывают у нас не только различие по степеням (хуже— лучше, меньше— больше, тише— скорее), но и качественное различие, которое мне хотелось бы назвать различием диалектическим. Хотя наше хозяйство и растет из общего корня, подобно нашей общественности, нашей печати, но оно насыщено диалектикой качественного разнообразия.

Так вот, задолго до пущенных лозунгов, в глухом Ткварчельском лесу, словно по заказу, создалась удивительная двоица, настоящие два магнитные полюса, образованные на двух концах пятикилометровой палки. Если б в задачу мою входило дать изобразительный очерк, я повезла бы на своем седле читателя сперва в промышленный лагерь Жернова, а потом в геологический лагерь Мокринского. Два разных мира раскрылись бы перед ним в порядке художественной последовательности, и какие яркие, типичные, остро очерченные, доделанные в своей неподражаемой остроте и конкретности

одиночеством, глушью, ясностью обстановки, какие превосходно выраженные человеческие фигуры прошли бы перед читателем!

2

Слово, которым встретил лагерь Жернова приехавших, было местоимение «ты». Приехавшие, очемчирский исполком, то есть районная власть, получили это «ты» от стриженой девушки, вышедшей из барака, и звучало оно несколько укоризненно, положив начало небольшой добрососедской перебранке. Промышленный лагерь Жернова почти сплошь партийный: он возглавляется техником Жерновым, партийцем; рабочие, привезенные из Донбасса, в большинстве партийцы; девушка, работающая в канцелярии, партийка. Эта донбассовская публика — русские с цветущими лицами, светловолосые, крупноростые, своего рода «отборное зерно» — крепко сколотила свой быт, — и первое ваше впечатление от лагеря Жернова именно б ы т о в о е. Есть две-три женщины-стряпухи; часть заработка идет в общий котел, — рабочие, технический персонал, канцелярия едят вместе, три раза в день, и хорошо едят. Летняя стоянка лагеря похожа на дачный поселок или деревенскую окраину; свинья бегает за людьми, как собака; уборная напоминает беседку — вся в виноградных листьях. Плана нет, особенного порядка нет, но люди живут вкусно, дружно и с удовольствием. «У нас коммуна!»

За короткое время существования коммуны у них выработался свой маленький грешок — высокомерие к неорганизованному соседу, гордость «своим домом». Эту гордость Жернова почувствуешь с первой минуты, стоит только спросить о соседнем лагере, геологическом лагере Мокринского. Не осуждая прямо, намеками, умолчаньем или пожиманьем плеч, жерновцы дадут вам понять о мокринцах, что это люди иного десятка. Женщин мокринцы из лагеря выставили и не пускают туда принципиально; рабочие и технический персонал общего стола не имеют; быт строго иерархический; общественной жизни — никакой: так вы поймете из намеков и рассказов жерновцев. И странной вам покажется нотка скрытой неприязни, с какой одна группа людей говорит о другой группе, закинутой с нею вместе в глушь и безлюдье. В гости друг к другу эти два лагеря не ходят. Знать друг друга не знают. Живут сплетнями, как где-нибудь на городской улице.

Но вот, поев вместе за столом, рабочие вскакивают на работу.

Их никто не сзывает, звонков нет, даже начальника нет (Жернов был в отъезде), но рабочие торопятся, как если б им грозил штраф. «У нас прогулов нет, мы на сдельщине», — объясняет один. Коммуна имеет под собою очень крепкие и очень прозаические корни; здесь платят хорошо — за выработку. Сытые, здоровые люди торопятся сделать побольше, чтоб накопить побольше. Весело и дружно разбегаются на работу, к буровым скважинам, под смешливые речи толстых стряпух. От них — жар идет, руки их распарены. Покормив рабочих, садятся есть и они, а свинюшка роется по-семейному возле их подолов.

Странное дело! Хозяйственное житье донбассовской шахтерской коммуны непреодолимо напоминает не промышленный лагерь, а колхоз, не рабочую семью, а крестьянскую. И, может быть, поэтому вы ее воспринимаете не в плане р а б о т ы, а в плане б ы т а. О работе же задумываетесь уже много времени спустя, побывав у антипода Жернова — у Мокринского. Едете вы туда с теплым чувством к жерновцам и с зароненным предубеждением к мокринцам. Но вот красивая, напоминающая плацдарм долина Кенса, где разбит последний лагерь Мокринского··· и как он разбит! Военные ровные линии бараков, геометрический квадрат забора. Лагерь огорожен. Загорелые люди делают в трусиках гимнастику. Повар в колпаке — олицетворение мужского начала, потому что повара и портные дают особый стиль женской своей профессии, повар выглядывает из окошка, как где-нибудь на пароходе или в окопах. А вот и сам Мокринский — один из

талантливейших инженеров-геологов, крепкий и жесткий человек со смуглым и жестким лицом; наклонив голову к стволу ружья, он методически сбивает мишень — дикие яблочки — одно за другим, короткими, быстрыми выстрелами. Так развлекается лагерь Мокринского в перерыве работы. Даже и развлечение военизировано.

Изучить этот новый для вас быт, неприязненно освещенный жерновцами, вы не успеваете, потому что вас встречают *не как гостя*, а как делового человека, которому тотчас облегчают его деловую цель. Слушайте, глядите, вникайте. Методически, точь-в-точь так, как раз за разом нажимают они курок, сухие пальцы Мокринского разворачивают перед вами стройную лестницу бумаг, чертежей, планов.

Хорошо работать у начальника, имеющего свой метод,— наверняка получишь у него знание. Хорошо слушать о работе, исполненной методически,— у вас наверняка создается правильное впечатление о процессе работы. Инженер-геолог Мокринский, специалист по углю, создал специальную методику геологической разведки, синтезировав существовавшие до него приемы, уточнив их, связав в строгой последовательности, и, в результате трехлетнего изучения Ткварчели, шаг за шагом, начиная с разрезов по каждой речке, двухсотметровой мензульной съемки, установки пикетов (количеством около девяти тысяч), прослеживания угля по выходам шурфами, канавами, буровыми скважинами, ручными и механическими, устройства штолен вдоль пластов и кончая зимней обработкой получаемого летом материала,— вся эта логическая система работ вскрывает перед вами подземные недра с точностью хирурга, вскрывающего кишечник больного. Вы как бы видите под хаотическим букетом ущелий, под крупнолистными гроздьями рододендронов сложение каменных пород, их слоистые ряды, их неправильности, их редкую начинку углем, идущую, как шоколадный крем, под определенными слоями этого неровного, но посвоему однообразного пирога. Уголь прослежен так тщательно, что все буровые скважины, ставившиеся для проверки геологического чертежа, последовательно натыкались на те слои, которые уже были указаны в чертеже. Более тщательной и более точной работы в геологии, нежели трехлетняя разведка Мокринского, пожалуй, и указать нельзя, тем более, что она велась с молодежью, кончившей вуз и готовившей на этой практической работе свои дипломные сочинения. Не без хвастливости скажут они впоследствии, что прошли школу Мокринского, потому что получить метод — это и значит побывать в настоящей школе...

Узнав, в чем задача лагеря Мокринского, и услышав, как эта задача выполнялась, поглядев на образцовые «полевые книжки» студентов, их аккуратное *ведение* своих работ (хорошее слово— ведение! Канцелярия необходима для дела и столь же показательна для него, как цепочка для охотничьей собаки), вы вспоминаете симпатичных жерновцев.

В самом деле, что вы узнали о характере их работы? Две-три буровые скважины с лесом штанг, одна покинутая в сторонке, как пустой колодец. Ящики с колонками проходимых пород, кой-как уложенные. Неаккуратно и не совсем точно, на грязных листках ведомые журналы бурового мастера. Канцелярия... ах, канцелярия! Охотничья собака бегает по лагерю Жернова без цепочки. Хорошо говорить: «У нас нет формализма и волокиты», если при этом дела в порядке. Но нельзя ссылаться на отсутствие формализма, если дела в хаосе. Милый лагерь жерновцев с его дружной семьей, пролетарским духом, партийным «ты», коммунистическим бытом и с его поспешной, но плохо осмысленной и едва ли хорошо поставленной работой, *чего* он добился в результате?

Возьмем сухую выписку из доклада:

«Ткварчельская партия Геолкома дала за три года работ более дешевый метраж против скважин Югостали».

Чисто научная партия сумела организовать производственную работу *дешевле*, чем чисто промышленная партия, на эту работу специально поставленная! Немудрено, что именно лагерь Мокринского, а не лагерь Жернова по-

лучил новое задание от Научно-технического совета каменноугольной промышленности пробурить в спешном порядке еще двенадцать скважин— десять из них сделаны уже за этот зимний период— общим метражем около 2 000 метров. Невольно вспоминаешь, сколько труда ухлопали жерновцы на свои четыре скважины в шестьсот с чем-то метров.

Но странное дело,— чем нарядней и победительней разворачивается перед вами работа научного лагеря, тем грустнее и как-то обиднее становится у вас на душе.

Из всех видов собственности разве не самая невыносимая для нас— собственность на превосходство, на наилучший метод, на ту образцовость «первого ученика», от которой веет гордым и хитрым одиночеством? Десятки, сотни лишних усилий тратятся жерновцами только оттого, что нет у них навыка организационной работы. Не естественно ли было бы одинокому превосходству Мокринского стать заразительным, стать примером для соседнего лагеря? И теплому «ты» жерновцев не лучше ли было бы перекинуться сюда через квадратный забор мокринцев, чтоб заразить в свою очередь «первых учеников» необходимой и радостной стихией советской общественности? Почему, в самом деле, эта щетинка ежей, колючее высокомерие двух «собственников», как если б один взял патент на знание, а другой—на общественный быт?

Когда мы тихим, медленным шагом уезжали из леса рододендронов, навьюченные ворохом впечатлений, невесело давалась нам последняя, обобщающая мысль: не заключается ли всякая подлинная победа (в быту и технике!) именно в том, чтобы стать разделенной всеми и обязательной для множества людей? И нет ли в одиноком росте, в одиноком совершенстве признака болезни и поражения, как в неестественном росте единичной клеточки рака?

Соревнующимся нужно помнить об этом и никогда не строить свое превосходство на неуменьи и недостатке своего соседа.

6. Концовка с выводом

1

За четыре года подготовительных работ ткварчельская комиссия сделала как будто все: изучила район, вопросы транспорта, электроэнергии, рынка, заказала проекты. Вот если приедет сейчас спецкор или писатель-очеркист в зеленые заросли ткварчельских лесов, да еще застанет хорошую погоду,— какую радостную, бодрую, благонамеренную отсебятину даст он в газету! И сколько голов наполнит музыкой пустых стаканов! Потому что стаканы, по которым он пройдется палочкой, совершенно п у с т ы, в них даже воды нет— оттого они и дают музыку. Надо твердо запомнить, что удар по наполненному всегда менее звучен и, чтоб услышать его, нужны хорошие уши.

Удар по наполненному стакану прозвучал очень тихо в солидном месте— в «Торгово-промышленной газете». Сделал этот удар некто Филонов. Он спросил: «Да с какой же стати нам возиться с ткварчельским углем, если этого угля немного, лежит он разбросанно, разработка его неимоверно трудна, проект рудников оказался неудачным и должен быть изменен, затраты на поднятие этого дела колоссальны? Не проще ли вложить те же деньги в развитие Донбасса, испытанного и огромного углехранилища, приспособить Мариупольский порт, снабдить его на зимнее время ледоколами и кормить Керченский завод донецким углем?» Не цитирую Филонова, а передаю только общий смысл его статьи.

Тревога, поднятая Филоновым, не докатилась до обывателя. Она погасла в ведомственных кругах. Но от камня пошли круги по воде— ответы ткварчельской комиссии. Разбираясь в них, невольно спрашиваешь себя: как это могло случиться, что спустя ч е т ы р е сезона разведок и проектировок, после всяческих одобрений, принятий, прохождений через инстанции, утверждений и составления смет, открываются странные прорехи в ткварчельском вопросе, позволяющие снова брать под сомнение все дело?

К каким, собственно говоря, выводам привели нас эти многолетние разведки? С идеальной точностью, как человеческий скальп над черепной костью, подняла перед нами геология растительный и каменный покров Ткварчел, показав, где под ним, как и сколько лежит угля. Запас его высчитан приблизительно,— он не велик: залегание неравномерное, с многочисленными сбросами; разработать этот уголь будет очень трудно,—трудности будут со стороны подземных вод, свойств самого угля (большой процент газа), наконец, сложности залегания и капризности угольных слоев и гнезд. Ясное дело, что если угля немного и разработать его трудно, решающее значение должен получить проект рудников. Хороший проект может обойти все трудности и найти способ дать уголь как можно экономичней и удобней. Что же случилось с проектом? Он был поручен проф. Шевякову, который отделался от него пессимистически, как иногда отделываешься мыслью от скверной жены: все равно, лучших не бывает. Отделаться пессимистически — значит предложить довольствоваться малым, не ища способов победить трудности. На рудничном языке довольствоваться малым— значит оставлять в земле в виде столбов (вместо искусственных укреплений) известный процент угля. Дадим говорить официальной записке:

«Во избежение затопления подземных работ водами рек (следует перечисление пяти абхазских рек)— под тальвегами этих рек— разработка должна вестись без обрушения кровли с оставлением целиков угля в этих столбах до 40 процентов и более. Под водоразделами можно вынимать пласты полностью, с обрушением кровли, причем, ввиду нарушенности месторождения, потеря будет все же не менее 15—20 процентов. Общая потеря составит не менее 30 процентов запаса».

Вот удружил профессор, так удружил! Угля нам в Ткварчелах кот наплакал. К этому наплаканному мы пристроим дорогу, сделаем порт, гидростанцию, огромные затраты на жилстроительство; мы создадим для этого наплаканного специальную рабсилу (потому что на месте нет рабочих), мы к ней подвезем продовольствие (потому что кормиться здесь нечем), мы оборудуем и по-заграничному это наплаканное обмозгуем,— и в результате всего выцарапаем из земли только кусок наплаканного, потеряв третью часть и без того маленькой добычи! Не значит ли это— стрелять из пушки по таракану? И неужели нет способа подставить добычу рациональнее, без больших потерь?

Есть способ. В высших органах проект Шевякова сейчас отвергнут, и составление нового проекта поручено фирме Стюарт вкупе с нашим Гипрошахтом. Плачут денежки. Плачет время. Плачет, должно быть, и уголь под землей— грибоедовскими слезами: «Что за комиссия, создатель!» И если он под землей, за неимением общества, сам с собой разговаривает, то говорит, должно быть: «Сам-то я один как-нибудь, и выплыл бы, да навешались на меня со всех сторон: и порт надо тянуть, и дорогу тянуть, и скверные пласты тянуть,—мочи моей нет; сами погибнут и меня похоронят. Вот, ежели б не вешались они, так и разговоров бы не было. Потихоньку, по-дешевке, угольными баржами скоренько, скоренько сдвинули бы меня в Керчь, и стал бы я дешевым чугуном, и пошел бы на дешевые рельсы да на дешевые машины, не посмел бы тогда Филонов и рта разинуть!»

Итак, мы очень бегло, но по возможности внимательно разобрали все действующие силы ткварчельской истории. Мы их взяли в противопоставлении друг другу, в игре, где один говорит «да», другой говорит «нет». Мы довели драму до той точки, где она чаще всего кончается, как башня из кубиков, строящаяся детьми: до тех пор кладут дети кубик на кубик, покуда высота не убьет основания и башня не рассыплется; до тех пор обкладывают окраинные предприятия свой замысел, покуда затраты не убьют прибыль и не сделают проект сомнительным.

Но если читатель думает, что я написала все это с целью опорочить ткварчельский уголь, или, может быть,

опорочить размах ткварчельского предприятия, он глубочайшим образом ошибется. Я люблю Ткварчели, как любят типовой образ, как врач любит сложную болезнь, как наездник любит норовистого коня. Ткварчели— «показательный процесс» над нашим строительством, он повторяется, как грипп, он имеет свои закономерности. Его надо принять целиком, изучить целиком и сделать выводы, только не штампованные выводы наших казенных одобрений или осуждений, а выводы, лежащие вне каких бы то ни было моральных норм. Давно пора покончить осуждать (и публично осуждать!) людей и ведомства только за то, что они изо всех сил старались поднять и развить свое место, были патриотами собственных предприятий. Нет вины в желании как можно больше индустриализировать часть страны, наиболее тебе близкую. Нет вины в горячности, жадности, страстности, темпераменте работы. Вывод должен лежать где-то не в линии нравственных оценок, а в области выработки правильного экономического критерия. В самом деле, кем же мы руководствуемся, когда решаем, выгодно ли это или невыгодно?

Мысль о пересмотре критерия пришла мне в голову за чтением лучших наших экспертиз (составленные по заказу предприятий деловые записки и книги). Авторы экспертиз— ученые с большими именами, добросовестные, вдумчивые, въедчивые в свой предмет. Но экономика этих ученых— старая, буржуазная экономика. Точь-в-точь такую же экспертизу произвели бы они пятнадцать лет назад для концессионного предприятия или заказчика-капиталиста. В основе их расчетов лежит принцип денежной стоимости, принцип наибольшей дешевизны. Индекс товарный складывается все из тех же слагаемых, которые существовали и при царе-капитале. В цифровые букеты расходов вползли, правда, по профсоюзной линии, небывалые раньше графы, но это не посторонние графы, потому что рабсила никогда не была «посторонней» при подсчете себестоимости продукта. А самый этот продукт (в данном случае уголь

или чугун) опять по-старому, попрежнему берется изолированно, вне его связи со всем хозяйством. Получается так, как было раньше: чем более предмет гол (чем меньше побочных строительных процессов он вызывает к жизни), тем ниже его себестоимость и тем он, следовательно, выгоднее. И еще: чем более предмет уже готов (уже имеет необходимое промышленное окружение и оборудование), тем он дешевле и, следовательно, выгоднее. Экономический критерий в обоих этих случаях совершенно тот же, что и при капитализме, дело которого было вышибать прибыль, а не создавать ценности.

Если развить этот критерий дальше, получится: чем более предмет комплексен, чем более увязан он с другими отраслями хозяйства, которые требуется оборудовать, тем он дороже и, следовательно невыгоднее.

Но ведь для социализма как раз и нужны комплексные явления нашей промышленности, нужны ценности, а не прибыль, нужно созидание, а не рента. И с точки зрения социалистической не пора ли нам считать выгодными для себя как раз те предприятия, которые неизбежно должны поднять вместе с собой десятки побочных хозяйственных начал, которые должны вместе с собой потянуть отсталую экономику целой страны, дать ей толчок к развитию и переделке? Ведь если быть последовательными и глядеть глубже в будущее,— нам ткварчельский уголь должен быть в десять раз выгоднее донецкого. Почему? Потому что донецкий уголь, если углубить его разработку, ничего не прибавит ни Донбассу, ни югу страны, кроме себя самого, то есть продукта. А ткварчельский уголь, если поставить его разработку, даст не только продукт, а он неизбежно и неминуемо даст отсталой, почти мертвой, богатейшей стране колоссальную встряску в виде порта, железной дороги, электросилы, металлургического завода, кадровых рабочих, крупного жилстроительства. Эти накидки на расход по старому расчету старых экономистов не есть ли накидки на ценность

по новому расчету еще не рожденной нашей будущей экономики?

Не пора ли нам пересмотреть понятие «себестоимости»?

Вот какие мысли— очень «дискуссионные» мысли— родятся в итоге изучения ткварчельской проблемы. Я их не превращаю в вывод. Они ставятся лишь как завершение методологическй задачи, проведенной в этих беглых и сжатых очерках.

Но читатель может быть сильно в претензии. «Что же это такое?— скажет он.— Шантаж, чистый шантаж. И тут очередь! Повесила вывеску «Ткварчельский уголь», и стоим мы в очереди за этим самым углем не час, не два, а целых шесть часов— шесть скучных очерков. Достоялись, покуда лавочка запирается, а угля— так и не видели!»

Утешу читателя: мой уголь сыграл в этих очерках роль солнца. Недаром ученые называют его подземным солнечным запасом! Взглянуть на него самого нам, правда, не удалось. Но зато все остальное, что мы увидели, могло быть увидено лишь при его посредстве.